

ЕЛЛЕ
УМА
ГУРМАН
УМ, ЧЕСТЬ
И СОВЕСТЬ
ВСЕХ
БЛОНДИНОК

**Игра со
спичками**

ЗАЖИГАТЕЛЬНОЕ
ГАДАНИЕ

тест
когда
ты ему
изменишь?

ОКТЯБРЬ 2008

нос по ветру

50

НОВЫХ
АРОМАТОВ
ОСЕНИ

**КРУПНЫЙ
ПЛАН**

МАССИВНЫЕ ТАНКЕТКИ, ШИРОКИЕ
ПЛЕЧИ, ГИГАНТСКИЕ ОЖЕРЕЛЬЯ

CH 17,50 CFR 7,50 GB 7,50 I, B, A, NL, GR 10,00 €
D 8,80 € DK 8,00 DKK 9,20 NOK 9,50 SEK, € 7,50, £ 4,39

ISSN 1560-3180

08010
9 771560 318003 >

парижская жизнь

ИРИНА КУДЕСОВА
была обычной со-
ветской девоч-
кой, и ей в голову
не приходило, что
Франция когда-ни-
будь станет для нее
реальностью

ВНормандию к французским родственникам я приехала на три дня: побродить по пустому пляжу, послушать крики чаек, половить ветер распахнутыми руками... В гостиной, уставленной старинной мебелью, тихо, с первого этажа доносятся голоса играющих в скрабл. И я вспоминаю то время, когда переехала во Францию.

Окончательно я решилась на это шесть лет назад. В Москве меня ничего не держало, а по-французски я говорила с детства. Впервые оказавшись в Париже в середине 90-х, я до такой степени влюбилась в этот город, что, вернувшись в Москву, дала «отворот поворот» молодому человеку, с которым у меня завязывался роман: «Я влюбилась, мне никого не надо». -- «Кто он?» Пожала плечами: «Париж». Я сразу почувствовала, что мое место здесь, будто бы в Москве я родилась по ошибке. Нет, я люблю Россию, но считаю, что «свое» место на земле надо

Некоторые едут сюда по любви, а некоторые — по расчету. Как сегодня живется нашим соотечественникам во французской столице, выясняла писатель и телекорреспондент Ирина КУДЕСОВА, за шесть лет ставшая в Париже своей... Почти

искать. Оно может оказаться как в твоей стране, так и на другой стороне земного шара — хоть на Южном полюсе...

Нет, нельзя сказать, что я слепо принимаю все, с чем сталкиваюсь во Франции. Это и невозможно: мы иначе воспитывались... В ресторане от француза запросто услышишь: «Мы платим пополам, или сейчас я, а в следующий раз ты?» Следующего раза не будет, думает иная русская. И то правда, ведь это же не ее предки сексуальную революцию затеяли. А вот еще перл: «Хорошо, что ты опоздала! Я поздно обедать сел, боялся, доесть не успею».

Трудно, что ли, лягушачьей лапой поделиться? Или что там в сковородке? Ну да, трудно. И дело не в жадности, а в отсутствии спонтанности.

Если хочешь жить в чужой стране, принимай ее традиции. Я их приняла, иногда, правда, бунтую, но научилась многому. Узнала, что такое «высокая кухня»: это, как говорят французы, алхимия. Повар во Франции считается человеком искусства и обладает колоссальными знаниями. Я узнала, что такая социальная система, которая тебя по-настоящему защищает. Жаль, что многие ею злоупотребляют, и часто это иностранцы. Я до сих пор познаю Францию, где у каждого региона свое неповторимое лицо. Здесь умеют уважать близкого, здесь нет агрессии. Ты локтем задеваешь кого-то на улице, и вы оба обворачиваетесь: «Извините!» — это здесь на уровне рефлекса.

Этой весной я впервые за шесть лет съездила в Москву, мы шли с отцом по улице, и он зацепил зонтом тетку. «Простите», — оглянулся мой отец. «Совсем озверели», — ответила тетка.

Не сразу, но в России все изменится. Мы же не злые, мы просто замучены бытом. А тут, в Европе, веками все остается неизменным. И слава богу.

Мыбросаем вещи в машину: пора. До Парижа три с половиной часа: треть страны надо проехать...

«Принято считать, что в кабаре танцуют одни русские, но это миф. Из шестидесяти человек нас всего семеро. Остальные — иностранцы со всего света. Только в нашей интернациональной семье я чувствую себя своей»

Возможно, знаменитое парижское кабаре «Мулен Руж» Инга попала после того, как семь лет проработала в Италии. Ее путь из Екатеринбурга за границу лежал через Уфимское хореографическое училище и Москву, куда ее в 17 лет пригласили работать по контракту...

«Мне, наверное, было суждено оказаться в Париже. Мой импресарио уговаривал меня «показаться» в «Мулен Руж», а я целый год не решалась: практики кабаре у меня не было. Но однажды судьба свела меня с артистом из «Мулен Руж», и он поддержал идею отправиться в Париж. Я приехала на выходные, мне устроили персональный просмотр. Я им сразу понравилась, но надо было ждать, когда будет новый набор. Я вернулась в Италию, а через 2 дня раздался телефонный звонок: «Мы берем тебя сейчас!» Две недели спустя я уже была на репетициях».

За семь лет мирной жизни на берегу итальянского озера Гарда, окруженного горами, Инга отвыкла от городской суэты. Ей пришлось привыкать не

ИНГА,
танцовщица
кабаре «Мулен
Руж», переехала в
Париж из Италии —
пришлось привыкать
к столичному ритму
и прохладной вежливости парижан

только к столичному ритму, но и к тому, что рабочий «день» заканчивался ночью. А еще — к французскому менталитету, так не похожему ни на итальянский, ни на русский.

«Итальянцы близки нам по темпераменту, они такие же открытые. Французы другие. Особенно холодны парижане. Хотя, справедливости ради надо сказать, что они народ воспитанный и доброжелательный, спросишь, как куда-то пройти — всегда подскажут. Что до столичной коммерции — все здесь избалованы туристами, в ресторанах сервис самый отвратительный во Франции. Зато мнение о себе высокое...»

Среди туристов, «балующих» столичных коммерсантов, много русских. В последнюю «Новогоднюю ночь», когда в кабаре предлагалось специальное праздничное меню и билеты стоили по шестьсот евро, четыреста зрителей в зале, рассчитанном на тысячу человек, были русскими: почти половина!

«У нас практически нет французской публики: в кабаре ходят австралийцы, англичане, русские. То же самое среди танцоров — очень много иностранцев. Правда, то, что в кабаре работают сплошь русские, — миф! Из шестидесяти человек нас всего семеро: пятеро из России и две девочки с Украины. Здесь интернациональная семья, и только в ее пределах я чувствую себя «своей».

Инга остается русской во многом потому, что никогда не пыталась стать француженкой: она общается в основном с иностранцами, варится «в своем котле».

За француженками «наблюдает со стороны» и находит их женственными, но зачастую ревнивыми и очень хваткими — как в плане карьеры, так и в сердечных делах... «А что же мужчины?» — спрашиваю я и получаю ответ: «У меня не было отношений с французом, но по опыту подруг могу сказать, что они на русских мужчин не похожи. Наши прямолинейны, а у французов постоянные драмы, проблемы, много слов и мало действий...»

Не думала ли Инга вернуться в Россию? Думала, но все с начала начинать тяжело. «Там большая конкуренция — много молодых, умных и красивых», — говорит она и бросает взгляд на часы. До девяти вечера и выхода на сцену остается двадцать минут. А ведь еще надо облачиться в наряд — яркий, воздушный, из крашеных страусовых перьев...

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ШЕРЕМЕТЕВ,
граф, ректор
Русской консерватории,
считает, что толковых и воспитанных
людей сейчас больше во Франции,
чем в России

«Разрешите, я сниму пиджак?» — Петр Петрович Шереметев смотрит на меня вопросительно, и я думаю: «Вот она, благородная кровь!» — ведь нынче не от всякого «Разрешите, я закурю?» дождешься. Мы встретились в

Русской консерватории в Париже, которую он возглавляет. В начале тридцатых годов прошлого века ее ректором был Сергей Рахманинов: в «его» кабинете тихо, прохладно, все располагает к ненапряженному разговору...

Когда-то на месте, где расположены взлетно-посадочные полосы Московского международного аэропорта, находилось имение Шереметевых. После революции оно отошло государству, а его

«Жена у меня не русская.
Признаться, я считаю, что среди иностранок встречается
больше интеллектуалок. Кроме того, мне нравится независимость француженок, которой я не вижу у русских»

владельцы на семь лет оказались под арестом: граф, графиня и их восемь детей, одного из которых звали Петр. В 1925 году семейству удалось выехать за границу. Графиня, потеряв мужа, фактически расписалась со шведским послом.

Первой остановкой стал Стокгольм, второй — Париж. У Петра была еще и третья

— Рабат: спустя несколько лет после того, как семья обосновалась во Франции, он уехал жить в Марокко. Через два года, в 1931-м, у него родился сын, его тоже называли Петром...

После Франции, где эмигранту найти свое место было нелегко, Мароккоказалось страной больших возможностей. Условия жизни оставляли желать лучшего: жара, сырость, вызывавшая болезни, никакой зелени, но русская диаспора была сильна, и это поддерживало. Появлялись новые музеи, театры, рестораны, школы — музыкальные и балетные. Дворяне пытались сохранить культурное наследие уже не существовавшей страны. Диаспора жила не замкнуто: на арабском говорили куда лучше, чем давно обосновавшиеся в Марокко французы. Что до языков, то в семье Петра существовало правило: каждому дню — свой язык. Немецкий сменял французский, затем шел английский, после — русский. Родители «не понимали», если в «русский» день дети обращались к ним по-французски...

Со временем быт наладился — жить в Марокко становилось все комфортнее. Но Петр — сын Петра — решил попытать счастья во Франции и в 1954 году уехал в Париж.

«Мне было 24... Из солнечной страны, где я жил среди цветов под вечно голубым небом, я попал в грязный, темный, сырой город... Никак не мог привыкнуть к холоду. Я был совершенно потерян. Французы показались мне спесивыми — не имея денег, в их общество войти было нелегко...»

Петр блестяще закончил французскую Школу архитектуры, спустя несколько лет создал фирму и начал неплохо зарабатывать. Теперь люди гордились знакомством с ним. Так у Петра появилась вторая родина. На вопрос: «Есть третья?» — получаю ответ: «Да. Россия».

В Россию, вернее в Советский Союз, Петр попал в 1979 году. Неизвестно, кто был в большем шоке: он — от «нищеты и отсутствия свободы» или же власти — оттого, что «недорезанный аристократ» позволил себе проникнуть за железный занавес... Теперь Петр Петрович, получивший из рук Владимира Путина российский паспорт, ездит сюда регулярно и говорит о «громадной разнице российского и французского менталитетов», что отразилось и на женщинах...

«Я всегда увлекался барышнями. Но жена у меня не русская. Она наполовину француженка, наполовину итальянка. Признаться, я считаю, что среди иностранок встречается больше интеллектуалок... Это не только женщин касается. Да, в России множество толковых, умных, воспитанных людей... Но во Франции таких больше. А если говорить о женщинах, то мне нравится независимость француженок, которой я не вижу у русских». «У нас все впереди», — улыбаюсь я.

«С русскими я не общалась. Хотела жить, как французы, стать такой, как они. Позже поняла, что это невозможно. Но после 16 лет жизни здесь я все же чувствую себя наполовину француженкой»

Ирине в голову не приходило, что когда-нибудь она наденет адвокатскую мантию и поднимется по ступеням парижского Дворца правосудия. В 1992 году она жила в Донецке и работала переводчиком.

«Я отправилась во Францию переводить для спортсменов-шестовиков из клуба Сергея Бубки, влюбилась в эту страну и... уехала «совершенствовать язык». С собой у меня было две тысячи франков, около трехсот евро. К счастью, знакомый пустил в свою пустую квартиру».

Первое время все «складывалось»: Ирина нашла работу переводчика, у нее оказались знакомые в Париже — бизнесмены, приезжавшие в Донецк. Чувство одиночества пришло не сразу...

«Оно появилось, когда я записалась на факультет права, поняв, что мне нужна надежная профессия. С однокурсниками подружиться не удалось: детишки из буржуазных семей на контакт не шли. Помню, спросила одного, как написать реферат, и он ответил: «Берешь ручку и пишишь». Так я начала сталкиваться с французским индивидуализмом».

Здесь все было другое: и прежде всего — отношения между людьми. «В России считается, что скромность человека украшает, здесь же приня-

то себя «выдвигать». Скромничает и оказывается никому не интересной! Поразила французская сухость: тебя принимают с энтузиазмом, но после закрываются. Тут каждый живет для себя и делает, как ему удобно».

Но времени на «дружбу» и не оставалось: Ирина на полставки работала в одном пригороде, училась в другом, а жила — в третьем. Когда у нее выпадал свободный час, она брала туристический гид и гуляла по Парижу. Этот город она открывала годами — улочки, внутренние дворики... Париж поддерживал, когда было одиноко.

«С русскими я не общалась. Хотела жить, как французы, стать такой, как они. Позже поняла, что это невозможно. Но после шестнадцати лет жизни здесь я все же чувствую себя наполовину француженкой. Ну и наполовину — русской. Этот гибрид. Несколько лет назад я начала заводить русских друзей и поняла, как мне с ними легко. Что до подруг, то среди них у меня нет ни одной француженки!» С французскими мужчинами у Ирины тоже отношения не складываются. И она даже знает почему... «О русских мужчинах много нелестного рассказывают, но у них нет проблем с щедростью — и в эмоциональном, и в материальном плане. А новое поколение французов просто в скряг превратилось. И когда русская девушка выходит за такого замуж, то шансов на успешный брак очень мало, наверное, один процент из ста. Ценности разные, воспитание... Русская женщина считает,

что муж должен быть «добытчиком», а она ему будет «служить верой и правдой». Для француза же они с женщиной равны. В результате на нем никакой ответственности и «лишних» расходов».

Философия «каждый за себя» проявляется не только в личной жизни. «Как-то я наблюдала, как в метро ребята выпускали сигаретный дым в лицо пожилой dame. Я была единственной, кто вступил за нее. Рассказала знакомому французу-адвокату, и он ответил: «Какое твое дело?» В России человек пытается предотвратить правонарушение, а во Франции отводят глаза: «Каждый отвечает за свои поступки сам, и никто не вправе никого одергивать». Никто никому не указ, отсюда и бесконечные забастовки».

И все-таки «жесткие» французы законы уважают. В этом огромная разница между русскими и французскими бизнесменами. «Это целая работа — объяснять русским клиентам, что здесь не Россия и закон не обойдешь. Зато «добраться правды» тут можно».

ИРИНА, адвокат.
Когда выдавался свободный час между учебой и работой, она брала туристический гид и гуляла по Парижу — город спасал от одиночества

Михаилом мы устроились на веранде кафе неподалеку от Центра Помпиду. Я владела вполне «стратегической» информацией: мой собеседник не боится быть фрилансером, имел не один роман с француженками и оказался во Франции после семи лет жизни в Америке...

«Жить в Штатах было весело и интересно, но там все слишком чужое. А вот когда я в 2000-м прилетел во Францию, первое впечатление было просто супер: тепло, май, новая жизнь, все красивое, яркое. Я много гулял по городу. Единственным «пятном» в моей безоблачной жизни был квартирный вопрос. Я по-французски не говорил, квартиру мне сдавать никто не хотел, и я поселился у начальника, американца. Он едва закончил Гарвард и был младше меня, что раздражало. Через три недели мы рас прощались, и я начал путешествовать с вещами по гостиницам...»

Спрашиваю Мишу, видит ли он разницу между французами и русскими. Уже не раз слышу, что французов обвиняют в холодности, противопоставляя ей русскую душевность.

«Разница не в людях, а в системе. Во Франции ей передано много «человеческих» функций — забота о бедных, больных, потерпевших. В России трудно рассчитывать на то, что государство побежит помогать, поэтому вся надежда на сердобольных друзей, родственников, приподъездных бабушек, прохожих... А тут, если видишь, что человеку плохо, звонишь в специальную службу. Но это делает людей более индифферентными».

А как насчет пресловутой русской душевности, когда можно прийти в два ночи и поплакаться? «Сама идея мне нравится. Но только как идея. Не люблю, когда ко мне сваливаются без звонка — так поступали приятели из Гренобля, у них нравы проще. А парижане все делают заранее. Вообще, широкие жесты и порывы французам не свойственны — это русская черта...»

Прямо интересуюсь: а в чем разница между совместной жизнью с русской и с француженкой?

«Русские более спонтанны, более понятны мне. Я считаю, что они гораздо красивее француженок. Но есть такой культурный феномен: наши девушки с 18 лет хотят замуж. И это накладывает на отношения некий отпечаток. Француженку подобная идея посещает не раньше 30, и оттого в отношениях с ней присутствует приятная легкость. Вообще у французов жизнь в свое удовольствие не осуждается, тогда как в России надо «страдать» и «бороться», а человек, живущий для себя, считается недалеким... Русские женщины склонны к жертвенности, они принимают идею неравенства мужчины и женщины. А тут поведение мужчины и женщины оценивается одинаково, и, если девушка три-четыре раза за год меняет друга, это не вызы-

МИХАИЛ,
видеодизайнер,
сравнивал Францию
с Америкой.
Жить в Штатах было весело и интересно, но Париж оказался ему больше по душе

вает осуждения. Причем расставание происходит без драм и слез: все было замечательно, а теперь — до свидания...»

Что касается французских друзей, то за восемь лет Михаил «завел» лишь одного. Основной круг общения — русские. Если в Америке Миша пытался стать американцем, то, приехав во Францию, уже знал, что превратиться во француза не удастся. Можно только что-то перенять.

«Я вот перенял толерантное отношение к окружающим. В России больше, чем на Западе, нетерпимости. А тут все спокойнее проходит. Скажем, французская полиция: я не чувствую от нее агрессии. С полицейским можно поболтать... Агрессия здесь — моветон. Я не раз видел, как двое орали на улице друг на друга. В России давно начался бы мордобой, а тут покричали и разошлись. Здесь, если ты ударил человека, значит, повел себя как неандертальец». □

«Наши девушки с 18 лет хотят выйти замуж, а француженку подобная идея посещает не раньше 30, и оттого в отношениях с ней присутствует приятная легкость»